

Владимир Шатунов

Два баруси

Владимир Шатунов

Два баруси

<https://litres.ru/74441328>

SelfPub; 2026

Аннотация

Героический эпос ситаби на основе сказаний и сказок нганасан.

Сказка о мироустройстве и становлении шамана. Сказители В.С. Шатунов, Н.В. Шатунова.

Ситаби — древний песенно-повествовательный жанр нганасан, самого северного народа Евразии. Сказитель вёл слушателя через три мира — Верхний, Средний и Нижний. В основе — путь инициации шамана, его перерождение и посвящение. Слушатель знакомится со структурой небесной горы, её жителями и хозяевами верхнего и нижнего миров. Духи разбирают тело шамана, исправляют устройство человека, наделяют человека новыми свойствами. Пройдя перерождение и посвящение, шаман получает право путешествовать между мирами, говорить с духами, помогать людям и духам, договариваться между ними.

Содержание

Два баруси	4
Пролог. «Найба-моу»	5
Часть 1. «Рухнувшие небеса»	7
Часть 2. «Двое на Ары-Масе»	9
Часть 3. «Дяйку-шаман»	12
Часть 4. «Рождение»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Два баруси

Два баруси

Героический эпос ситаби на основе сказаний и сказок нганасан.

Сказка о мироустройстве и становлении шамана. Сказители В.С. Шатунов, Н.В. Шатунова.

Ситаби — древний песенно-повествовательный жанр нганасан, самого северного народа Евразии. Сказитель вёл слушателя через три мира — Верхний, Средний и Нижний. В основе — путь инициации шамана, его перерождение и посвящение. Слушатель знакомится со структурой небесной горы, её жителями и хозяевами верхнего и нижнего миров. Духи разбирают тело шамана, исправляют устройство человека, наделяют человека новыми свойствами. Пройдя перерождение и посвящение, шаман получает право путешествовать между мирами, говорить с духами, помогать людям и духам, договариваться между ними.

Пролог. «Найба-моу»

Весть эта издалека летела – над прежним человеком, над прадедом и над дедом летела. Так долго летела – по пути растерялась. У предков мешок слов тугой был – теперь слова немногие остались – весть беречь надо. Весть эта про озорника-Барангуя, про Чину, который смирный родился, да от дурного слова вырос, да про то, как стали Чина и Барангуй одним человеком. Мне эта весть доверилась, теперь решает, через кого дальше идти. Примешь весть, через тебя жить станет. Будешь слушать? Э?

Издалека начну.

Были Исконе две земли – одна Земля и другая тоже была. Исконе была белая, дышащая холодом Земля. Исконе была Земля голая, каменная и колкая, то скрипящая, то дрожащая мелко, вся в рытвинах, оврагах и ямах Найба-моу – Земля поганая. Гольный камень ничего не родил, никого не кормил.

На Земле небо лежало, не как теперь, – краями упирается, – а брюхом к брюху. Беспросветное, чёрное, водное – такое было небо. Вода с неба по земле течь не умела – пустоты не было. И времени ещё не было и ожидания никакого не имелось.

Сверху черно – оттуда небо. Снизу бело – от снега бело.

Снизу черно – от брюха земли черно. Следом огонь вспыхнул – брюхо неба втянулось, середина облеклась, объяснилась – и воды, и огня, и камня, и ветра середина. Между землёй и небом щель стала чуть выше поднятой руки – человеку разогнуться мера. Реки и водопады пошли, и время пошло, и всё от просвета и времени пошло.

То простой Земли рождение. Человек по такой Земле ходит – ногами *направленья* рождает. Куда ноги пошли – дорога делается, где дорога стала – земля открывается, где земля открылась – люди жить приходят, рождаются. От нашего человека пять земель появились – куда руки торчат – две, куда лицо глядит, и куда нет – две, и где ногам ступать одна тоже.

Простое слово? Дальше мудрёней будет.

У человека одна простая Земля жить и промышлять, семь верхних Земель – оттуда младенцы и счастье, и девять нижних Земель – оттуда беды и смерть. Нижние и верхние миры не любому ведомы – не каждый далеко гонять осмелится.

Плохой живой знает только поганую землю – семи верхних небес не знает, девяти нижних миров не ведаёт. От плохого живого плохой мёртвый происходит – червей и костей его путь и дальше ему тропинок нет.

Часть 1. «Рухнувшие небеса»

Там давно верхний мир от подземной войны прохудился. Нижнее небо расколосось – от него снег и вода с глиной на землю свалились. Той волной дядума моучера, – прежних людей, – смыло. Колая-мамонта знаешь? Вымерли они.

После утопа другая земля стала – где на земле раны, там стали моря и озёра, где порезы – стали реки. Вместе с небом люди на землю спустились. Закопали ребёнков в землю, а сами улетели.

Земля на той могиле лопнула – выкатилось худое яйцо и покатилося по отмелям. Дух от яйца – яд. Которые тот дух чуяли – пухли перевёртываясь и смертью подышали.

Будто в яйце был один человек – одет или голый – мучился он. От неба ему было страдание, от голода и от завтра. Это всё он знал, как Солнцу ходить и как Луне. Поленьями стучал, искры высекал. Гром ударил – человек улетел. Пусто осталось.

От тех дней люди, звери и гады в ямах жили – в брюхе земли бедовали. Из того что было – небо с луну размером – всё остальное земля до одного взгляда. Дорог не было – были ли ноги ходить. Вода льдом затворена.

Однажды кто-то сказал:

– Пропали мы. Как станем людьми, век в воде обитая? Наверное, под водой земля есть. Вытащим её, и наверху воды

на земле проживать станем.

Так и сделали.

Вышел Моу-нгуо, – земли бог, – камни положил. Камни – понимай горы. Один камень положил, где Норильская земля – Ситтыбаронго имя ему. Другой камень у края моря оставил. Тот Койкомаза – шайтанов камень называется. С двух сторон те камни высокую лайду-равнину держат. Всякая вода, всякая земля здесь одинокие – закрыты пути, нет сообщения.

За Моу-нгуо следом Хуа-нгуо вышел, – дерева бог, – лес за ночь вырастил.

За ними другие боги пошли.

Когда земля жить появилась – ямы открылись, и люди в них живые обнаружились.

Часть 2. «Двое на Ары-Масе»

*голомо (нган.) – чум-балаган

Тут весть начинается.

Одни рассказывают, было это на лесном острове Ары Масе. Другие будто на камне было, на Путоране. Мне спорить не с чем – в том месте был, сам узнал. Как узнал? Век знал. Прежде запомнил – сейчас вспомнил. Время одинаково есть – не длится и не кончается – вчера и сегодня – одно. То время теперь нам будет – рассказываю будто сам вижу.

На краю одинокой земли у одинокой воды – у озера в горах понимай – яр был и яма была на носу того яра. Над ямой шатер из жердей стоял, шестами в среднюю землю упирающийся. Шатёр такой – в землю врытый, землёй крытый, мхом схваченный, весь в звёздах, оттого как худой-дырявый. Кору – шатру имя было, голомо* имя теперь.

В той яме под кору баба жила. Баба ту яму вылежала – дёрном укрыла – оттого яма старуху греет. Баба та – сама тундра с изъеденным лицом – всем мать. Зимой старуха в снежной шубе спит, летом – славной девкой просыпается. Волосы – её свежая трава.

Вот двое зашли, оба парни:

– Эта яма жить нам от смерти – так решили.

Стали одной ямы сыны. Откуда взялись не ведомо – были,

на земли комок свалились. Вроде как они наши люди и наши люди тоже они. Будто не родились оба – сироты одинокие, что значит без отца- матери, без рода

Оба одинаковые в глубокой яме, в глубоком сне. Почему одинаковые? Один другому брат – оба старшие, оба младшие может.

Белый и чёрный – звались равно по различию глаз. У которого глаза птицы яйца – тот Сыр-дяку, снега брат. У другого от века до века чёрные-пустые – оттого он Хэнка-дяку, ночи брат. Когда спят они, глаза закрыв, чёрного от белого не отличишь. Дяку и дяку, – «одинаковые», – так понимай.

И судьба у одна на двоих – в одной яме век живущие. А и сказать живущие – много для них. Живота у них не было – ни чумов, ни олешков, ни собак. От земли они промышлять не умели, даже за водой не шли – жажду к себе в гости звали. Без брюха они что ли? Ели мало, пить не пили, словами не просили – голод терпели напрасно. Оба трусливые, оба ленивые, беда-охотники. Малую пищу свою выжидали – мышей и гадов, и кто на их мясо поганое польстится. Ног у них отродясь не было, а руки цепкие – что захотят, то поймают!

Было обидел дяку мышь и увидел её во сне – та мышка у Дёйбы длинной зимы выпросила. Долгая зима стала, голодная. И весна потерянная – ни трав, ни ягод – корни в землю уползли. Мыши и те вымерли.

Стал худеть Сыр, начал истоньшаться Хэнка. Отвратительно худые оба – плачут, глаз не вытирают, за добычу спо-

рят. Жадные они будто от рождения – плохой Нгуо глупо братьев сотворил погибнуть им чтобы. Беспомощных бросил, а еды умирать оставил – ничего.

В один год братья так рассудили:

– Будто оттого у нас беды, что нет продолжения – давай людей нарожаем, чтоб наши дети нас кормили.

Пыхтели-старались – ничего не вышло – бабу им надо. Да откуда жену взять? Девки за них не идут. Может девки невидные были, а и были не знаю. Одна старуха Синсэ нашлась потерянная, да и та по тундре искала, корни ела – беда жалко. Сто лет Синсэ девка – ни женой, ни вдовой не была.

Старуха Хэнку-нэ женой стала, Сыру-нэ женой стала. Поделили братья бабу пополам – стали бивать, голодом морить – такие могучие. Оттого без детей век.

– Может человек она – не баба? – думают.

Оу, однако! Человек оказался бабой.

Часть 3. «Дяйку-шаман»

Вот что дальше было:

Один год пришел к людям Дяйку маленьким шаманом – стал бедным чумом на камне. Росточком с мальчонку – под шапкой глаз не видно – великий шаман, однако. Своё лицо спрятал – медные глаза нгуо надел, слышно позвал. Пришли многие дямады-помогающие – хендир-бубен сотворили. Колотушка сама из камня встала. Ударил дяйку в бубен – с земли ушел. Лёд расколол, небо зажег!

Камлал камням – обернулись ягелем. Камлал трещинам – выпустили цветы, сплели стебельки. Сытные травы да сочные ягоды тундру укрыли. Узор земле – животу забава. Глазам наслаждение – оленю пропитание. Вода рыбой закипела. Гусей налетело – котлы жира.

В ту весну осознали люди, что они люди. Для этого весна и была нужна. Как осознали, одна радость другую позвала – случились в девках сейме-глаза. И в важенках случились новые глаза.

На другой год Дяйку снова пришёл – ещё больше изобилия принёс. В стадах пыжики-телята народились. Дедушки в чумы жить вернулись. Даже у зайцев свадьбы-игрища 50 дней без края.

Тот и верно – как шаман приходит – изобилие приходит.

Гудит бубен, тугой воздух гудит. Наши люди все на гул ходили себе судьбу маленько просить.

Шаман их слушает – маленькие мысли слышит. Взвешивает что слышит, взвешивает что говорит:

– Не все ко мне просить ходили. Пока все не испросят – никому Талана не дам.

Кто не ходил? Оба дяку не ходили. Отчего не ходили? Нет у Сыра прибавления, у Хэнка нет прибавления – перед людьми стыдно. Детский смех их живыми режет – такое страдание.

Хэнка-дяку к шаману люди отнесли, а там уже Сыр-дяку просит. Как добрался не знаю – ног то у него нет? У Дяйку в чуме оба встретились. Такая судьба.

Дяйку нутром тешится снаружи не видно. Медные глаза звякают – живые глаза спрятал.

– Знаю что, знаю как, знаю где – говорит – Турку-нгде одинокой воды дна хозяин – бакуна-осётр. У бакуна в животе две икринки – то парня глаза. Чья баба оба глаза съест – тому сын достанется. Одному ту рыбу не добыть. Двоим те икринки не делить.

Как вышли братья из чуба сразу сговорились:

– Тебе верх по реке – мне вниз по реке – сказал Хэнка.

– Пусть тебе за рекой и назад отсюда. Давай больше не встретимся – сказал Сыр.

Так и пошло у них. И в лодке, и с берега ищут – найти бакуна не могут.

Как умаялись – в одну лодку сели. Вот лодки тень скоро бежит – воду на две воды режет. Ищет в воде Сыр, всматривается Хэнка. Так смотрели – бакуна оба вместе нашли.

Чей сын будет? Сын то один и баба одна.

– Зачем отдам? Бабе не отдам! – сказал Сыр.

– Сам съем! – сказал Хэнка.

Правый глаз бакуна Сыр-дяку съел, левый Хэнку-дяку сожрал.

Только сделали – стали у них внутри сыновья – отцовский парень каждому достался.

Часть 4. «Рождение»

Синсэ-нэ словами молчит, а животом тешится. Синсэ-нэ – коль запамятовал – обоих дяку старуха. Немая, а в животе мелкий смех старушичий. В пузе у нее звенит – когда врут, когда худое думают, когда смешно – звенит. Катятся будто колокольчики – такой звук.

Синсэ-нэ так смеялась – девку родила. Девка – бубулянка, без отца, понимай. Бубулянка весёлая оказалась – на ногах стоя родилась.

Смех смехом, а велел Сыр молчать. Велел Хэнка молчать.

Сколько-то времени прошло – животы у братьев округлились. Толстый стал Сыр, а Хэнка толще. Жирный стал Сыр, а Хэнка жирнее. Пухнет Хэнка, видя брата толстеющего:

– У тебя еды нет – как толстеешь?! – так спросил.

С открытыми глазами спал – высматривал, откуда брат ест. На миг заснул, а брат ещё толще стал.

В животах у них того веселей. Внутри Сыру-нэ колотушка проснулась, под кожей бьёт – Сыр-дяку бубен стал. А Хэнку-нэ голод изнутри ест – просит под сердцем у него, и скачет, и сердится: «Выйду – чем кормить будешь!»

Потом и вовсе худо стало.

Сыр-дяку как баба кричит, рождает. Мужик как семь баб кричит.

– Наверно, женщина я, раньше не знал. Теперь удивитель-

но мне: кто бы всякий проворный из меня родится, так больно!

Про то, как Хэнка рожал – один смех. Далеко убежал, в тундру убежал, в корнях упавшей лиственницы спрятался.

Услышала Синсэ-нэ вой с двух сторон – побежала, туда побежала. Как картину поняла, зазвенели в ней бубенцы-шарпунцы. Что видала – не скажет никому, слов у нее во рту нет, один смех. Синсэ-нэ со смеху порвалась. Из неё будто бабочка-мотылёк вылетела – девкой обернулась. Девка хохотушка – стоит смеётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.